

МАРК ТВЕИ



Как обманывать людей

Пособие для политиков, журналистов и карточных шулеров

Весь мир

Марк Твен

**Как обманывать людей.
Пособие для политиков,
журналистов и карточных шулеров**

«Алисторус»

УДК 18
ББК 63.2

Твен М.

Как обманывать людей. Пособие для политиков, журналистов и карточных шулеров / М. Твен — «Алисторус», — (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-321-8

«Человека легче обмануть, чем доказать ему, что он был обманут», – говорил Марк Твен, всемирно известный американский писатель, журналист и общественный деятель. Личный опыт, полученный в журналистике и политике, он отразил в своих статьях и рассказах, а также в метких, полных сарказма высказываниях о тех, кто с помощью различных манипуляций правит людьми и формирует общественное сознание. Лучшие из этих статей, рассказов и афоризмов Марка Твена вошли в данную книгу. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 18
ББК 63.2

ISBN 978-5-00180-321-8

© Твен М.
© Алисторус

Содержание

Самая обыкновенная журналистика,	5
Мои первые подвиги на газетном поприще	5
Окаменелый человек	7
Мое кровавое злодеяние	9
Как я редактировал сельскохозяйственную газету	11
Два-три невеселых жизненных наблюдения	15
Журналистика в Теннесси	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марк Твен

Как обманывать людей

Пособие для политиков, журналистов и карточных шулеров

Самая обыкновенная журналистика, или Как одурачить публику

Мои первые подвиги на газетном поприще

В тринадцать лет я был удивительно смысленный ребенок, просто на редкость смысленный, как я тогда полагал. Именно к этому времени относятся мои первые газетные писания, которые, к моему великому удивлению, имели сенсационный успех в нашем городке. Нет, право, все обстояло именно так, и я был страшно горд этим. В то время я был учеником в типографии, и я сказал бы, многообещающим и целеустремленным учеником. В один счастливый летний день мой дядя, который пристроил меня в своей газете (еженедельник «Ганнибал джорнел»; подписная плата два доллара в год, и пятьсот подписчиков, вносящих подписную плату дровами, капустой и не находящим сбыта турнепсом), вздумал на неделю уехать из городка. Перед отъездом он поинтересовался: сумею ли я самостоятельно выпустить один номер газеты. Еще бы! Разве не хотелось мне проверить свои силы?!

Редактором конкурирующей газеты был некто Хиггинс. Незадолго до этого ему так подставили ножку в сердечных делах, что однажды вечером один из его друзей нашел на кровати бедняги записку, в которой Хиггинс сообщал, что жизнь стала для него невыносима и что он утопился в Медвежьем ручье. Бросившись к ручью, друг обнаружил Хиггинса, пробиравшегося обратно к берегу: он все же решил не топить.

Несколько дней подряд весь городок переживал это событие, но Хиггинс ничего не подозревал. Я решил, что это как раз то, что мне надо. Расписав всю эту историю в самых скандальных тонах, я проиллюстрировал ее мерзкими гравюрами, вырезанными большим складным ножом на оборотной стороне деревянных литер. На одной из них Хиггинс, в ночной рубашке и с фонарем в руке, вступал в ручей и измерял его глубину тростью. Я был глубоко убежден, что все это невероятно смешно, и не усматривал в своей писанине ничего неэтичного. Довольный содеянным, я стал выискивать другие объекты для своего остроумия; как вдруг меня осенило: я решил, что будет совсем неплохо обвинить редактора соседней провинциальной газеты в преднамеренном мошенничестве, – вот уж он у меня попляшет, как червяк на крючке!

Я осуществил свою идею, напечатав в газете пародию на стихотворение «Похороны сэра Джона Мура», и должен сказать, что эта пародия не отличалась особой тонкостью.

Затем я сочинил оскорбительный памфлет на двух видных горожан – не потому, конечно, что они чем-либо заслужили это, – нет, просто я считал своим долгом оживить газету.

После этого я слегка затронул местную знаменитость, недавно появившуюся в наших краях, – поденного портного из Куинси, слащавого фата чистейшей воды, носившего самые пестрые, самые кричащие наряды в Штатах. К тому же он был заядлый сердцеед. Каждую неделю он присылал в «Ганнибал джорнел» цветистые «стихи», посвященные своей последней победе. Стихи, присланные им в дни моего правления, были озаглавлены «К Мэри из Пр...»,

что, конечно, должно было означать «К Мэри из Принстона». Когда я уже набирал его творение, меня вдруг словно молнией пронизало с головы до пят острое чувство юмора, и я излил его в выразительном подстрочном примечании следующим образом: «На сей раз мы публикуем эти вирши, но нам хотелось бы, чтобы мистер Дж. Гордон Раннелс ясно понял, что мы должны заботиться о своей репутации и что если он и впредь захочет излить свои чувства к кому-нибудь из своих друзей в Пр...не, то ему придется сделать это не с помощью нашей газеты, а каким-либо другим путем!»

Газета вышла, и я должен сказать, что ни один газетный опус никогда не привлекал большего внимания, чем мои игривые упражнения.

На этот раз «Ганнибал джорнел» шел нарасхват, чего раньше никогда не случалось. Весь городок пришел в волнение. Ранним утром в редакции появился Хиггинс с охотничьей двустволкой в руках. Обнаружив, однако, что тот, кто нанес ему такое неслыханное оскорбление, всего лишь младенец (как он меня окрестил), он ограничился тем, что отодрал меня за уши и удалился. Но, видно, он решил махнуть рукой на свою газету, потому что той же ночью навсегда покинул городок. Портной явился с утюгом и парой ножниц, но тоже отнесся ко мне с полным презрением и в ту же ночь отбыл на юг. Двое горожан – жертвы памфлета – прибыли с угрозами возбудить дело о клевете, но в негодовании покинули редакцию, увидев, что я собой представляю. На следующий день с воинственным индейским кличем ворвался редактор соседней провинциальной газеты. Он жаждал крови. Однако он кончил тем, что сердечно простил меня, предложив дружески обмыть наше примирение в соседней аптеке полным стаканом «Глистогонки Фанштока». Это была невинная шутка.

Вернувшись в городок, мой дядя пришел в ужасное негодование. Но я считал, что у него для этого нет никаких оснований, – глядя, как бойко с моей легкой руки пошла газета, он должен был только радоваться да еще благодарить судьбу за свое чудесное спасение: только потому, что его не было в городке, ему не пропорол живот, не запустили в него томагавком, не привлекли к суду за клевету и не продырявили пулей голову.

Впрочем, он подобрел, когда увидел, что за время его отсутствия у газеты появилось тридцать три новых подписчика; и хотя число это звучало неправдоподобно, я в качестве доказательства представил такое количество дров, капусты, бобов и негодного для продажи турнепса, что их должно было хватить на всю семью на два года!

Окаменелый человек

Чтобы показать, как трудно с помощью шутки преподнести ничего не подозревающей публике какую-либо истину или мораль, не потерпев самого полного нелепого поражения, я приведу два случая из моей собственной жизни. Осенью 1862 года жители Невады и Калифорнии буквально бредили необычайными окаменелостями и другими чудесами природы. Трудно было найти газету, где не упоминалось бы об одном-двух великих открытиях такого рода. Увлечение это начинало становиться просто смехотворным. И вот я, новоиспеченный редактор отдела местных новостей в газете города Вирджиния-Сити, почувствовал, что призван положить конец этому растущему злу; все мы, я полагаю, испытываем по временам великодушные, отеческие чувства к ближнему. Чтобы положить конец этому увлечению, я решил чрезвычайно тонко высмеять его. Но, по-видимому, я сделал это уж слишком тонко, ибо никто и не заметил, что это сатира. Я облек свой замысел в своеобразную форму: открыл необыкновенного окаменелого человека.

В то время я был в ссоре с мистером***, новым следователем и мировым судьей Гумбольдта, и я подумал, что мог бы попутно слегка поддеть его и выставить в смешном свете, совместив, таким образом, приятное с полезным. Итак, я сообщил со всеми мельчайшими и убедительнейшими подробностями, что в Грейвли-Форд (ровно в ста двадцати милях от дома мистера***, и добраться туда можно лишь по крутой горной тропе) обнаружен окаменелый человек и что в Грейвли-Форд, для освидетельствования находки, прибыли все живущие поблизости ученые (известно, что в пределах пятидесяти миль там нет ни одной живой души, кроме горстки умирающих с голода индейцев, нескольких убогих кузнечиков да четырех или пяти сарычей, настолько ослабевших без мяса, что они не могли даже улететь); и как все эти ученые мужи сошлись на том, что этот человек находился в состоянии полного окаменения уже свыше трехсот лет; и затем с серьезностью, которой мне следовало бы стыдиться, я утверждал, что как только мистер *** услышал эту новость, он созвал присяжных, взобрался на мула и, побуждаемый благородным чувством долга, пустился в ужасное пятидневное путешествие по солончакам, через заросли полыни, обрекая себя на лишения и голод, – и все для того, чтобы провести следствие по делу человека, который умер и превратился в вечный камень свыше трехсот лет назад! И уж, как говорится, «заварив кашу», я далее с той же невозмутимой серьезностью утверждал, что присяжные вынесли вердикт, согласно которому смерть наступила в результате длительного нахождения под воздействием сил природы. Тут фантазия моя вовсе разыгралась, и я написал, что присяжные со свойственным пионерам милосердием выкопали могилу и уже собирались похоронить окаменелого человека по христианскому обычаю, когда обнаружили, что известняк, осыпавшийся в течение веков на поверхность камня, где он сидел, попал под него и накрепко приковал его к грунту; присяжные (все они были рудокопами на серебряных рудниках) с минуту обсуждали это затруднение, а затем достали порох и запал и принялись сверлить отверстие под окаменелым человеком, чтобы при помощи взрыва оторвать его от камня, но тут мистер*** с деликатностью, столь характерной для него, запретил им это, заметив, что подобные действия граничат со святотатством.

Все сведения об окаменелом человеке представляли собой от начала до конца набор самых вопиющих нелепостей, однако поданы они были так ловко и убедительно, что произвели впечатление даже на меня самого, и я чуть было не поверил в собственную выдумку. Но я, право же, не хотел никого обманывать и совершенно не предполагал, что так оно получится. Я рассчитывал, что описание позы окаменелого человека поможет публике понять, что это надувательство. Тем не менее, описывая его позу, я совершенно намеренно то и дело перескакивал с одного на другое, чтобы затемнить дело, – и мне это удалось. То я говорил об одной его ноге, то вдруг переходил к большому пальцу правой руки и отмечал, что он приставлен к носу, затем

описывал положение другой его ноги и тут же, возвращаясь к правой руке, писал, что пальцы на ней растопырены; потом упоминал вскользь о его затылке и снова возвращался к рукам, замечая, что большой палец левой приставлен к мизинцу правой; снова перескакивал на что-нибудь другое и снова возвращался к левой руке и отмечал, что пальцы ее растопырены, так же как пальцы правой. Но я был слишком изобретателен. Я все слишком запутал, и описание позы так и не стало ключом ко всей этой мистификации, ибо никто, кроме меня, не смог разобраться в исключительно своеобразном и недвусмысленном положении рук окаменелого человека.

Как сатира на увлечение окаменелостями или чем-либо другим мой окаменелый человек потерпел самое прискорбное поражение, ибо все наивно принимали его за чистую монету, и я с глубочайшим удивлением наблюдал, как существо, которое я произвел на свет, чтобы обуздать и высмеять увлечение чудесами, преспокойно заняло самое выдающееся место среди подлинных чудес нашей Невады. Я был так разочарован неожиданным провалом своего замысла, что поначалу меня это сердило, и я старался не думать об этом; но мало-помалу, когда стали прибывать газетные отклики, в которых повторялись описания окаменелого человека, а сам он простодушно объявлялся чудом, я начал испытывать утешительное чувство тайного удовлетворения.

Когда же сей господин, путешествуя все дальше и дальше, стал (как я убеждался по газетным откликам) завоевывать округ за округом, штат за штатом, страну за страной и, облетев весь мир, удостоился наконец безоговорочного признания в самом лондонском «Ланцете», душа моя успокоилась, и я сказал себе, что доволен содеянным. И насколько я помню, почти целый год мешок с ежедневной почтой мистера*** разбухал от потока газет из всех стран света с описаниями окаменелого человека, жирно обведенными чернилами. Это я посылал их ему. Я делал это из ненависти, а не шутки ради. Он с проклятиями выбрасывал их кипами на задний двор. И каждый день горняки из его округа (а уж горняки не оставят человека в покое, если им представился случай подшутить над ним) являлись к нему и спрашивали, не знает ли он, где можно достать газету с описанием окаменелого человека. А он-то мог бы снабдить целый материк этими газетами. В то время я ненавидел мистера***, и потому все это успокаивало и развлекало меня. Большого удовлетворения я бы не мог получить, разве только если б убил его.

Мое кровавое злодеяние

Было время, когда сан-францисские газеты подняли шумиху вокруг мошенничества в Дейнском акционерном обществе серебряных копей, правление которого объявило «состряпанный», или фальшивый, дивиденд, чтобы поднять курс своих акций и, распродав их по приличной цене, благополучно выбраться из-под обломков рухнувшего концерна. Обливая грязью Дейнское акционерное общество, эти газеты в то же самое время убеждали публику избавиться от всех своих серебряных акций и приобрести устойчивые и надежные акции сан-францисских предприятий, таких как, например, Акционерное общество водоснабжения Спринг-Вэлли. Но вдруг в самый разгар этой возни выяснилось, что общество Спринг-Вэлли тоже состряпало дивиденд! И вот я, хитро прельщая публику приманкой вымышленного «кровавого злодеяния», готовился обрушиться на нее с язвительной сатирой на всю эту грязную финансовую кухню. Рассказ о воображаемом кровопролитии занимал с полстолбца; в нем шла речь о том, как один местный житель убил жену и девятерых детей, а потом покончил с собой. В конце же я не без коварства сообщал, что внезапное помешательство – причина этой леденящей душу резни – было вызвано тем, что мой герой поддался уговорам калифорнийских газет, продал свои надежные и прибыльные невадские серебряные акции и, как раз перед тем, как лопнуть обществу Спринг-Вэлли с его мошенническими раздутыми дивидендами, вложил туда все свои деньги и потерял все до последнего цента.

О, это была очень, очень ядовитая сатира, чрезвычайно тонко задуманная. Но я так старательно и добросовестно живописал ужасающие детали, что публика алчно пожирала только эти подробности, совершенно не обращая внимания на то, что все это явно противоречило всем известным фактам: не было человека в нашей округе, который бы не знал, что этот так называемый убийца – холостяк, а стало быть, никак не мог убить жену и девятерых детей; он убил их «в своем роскошном мраморном особняке, стоявшем на опушке огромного соснового бора между Эмпайр-Сити и поселком Ника Голландца», – но даже маринованные устрицы, которых нам подавали к столу, и те знали, что на всей территории Невады не было ни одного «мраморного особняка», а также что на пятнадцать миль вокруг Эмпайр-Сити и поселка Ника Голландца не было не только «огромного соснового бора», но даже не росло ни единого деревца; и, наконец, всем было доподлинно известно, что Эмпайр-Сити и поселок Ника Голландца – одно и то же место, где находится всего шесть домов, и следовательно, между ними не могло быть никакого бора; и сверх всех этих явных нелепостей я еще утверждал, будто, нанеся себе такую рану, от которой, как это мог понять любой читатель, мгновенно издох бы даже слон, этот демонический убийца вскочил на коня и проскакал целых четыре мили, потрясая еще теплым скальпом своей супруги, и в таком виде с триумфом въехал в Карсон-Сити, где испустил дух у дверей самого большого трактира, на зависть всем восхищенным очевидцам. Никогда в жизни я не видел такой сенсации, какую вызвала эта маленькая сатира! О ней говорил весь город, о ней говорила вся наша округа. Просматривая за завтраком газету, жители города сначала спокойно начинали читать мою сатиру, а под конец им было уже не до еды. Вероятно, было что-то такое в этих деталях, правдоподобных до мелочей, что вполне заменяло пищу. Мало кто из грамотных людей мог есть в это утро. Мы с Дэном (моим коллегой-репортером), как обычно, сели за свой столик в ресторане «Орел»; и только я развернул тряпку, которая в этом заведении именовалась салфеткой, как увидел за соседним столиком двух дюжих простачков, одежда которых была осыпана чем-то вроде перхоти явно растительного происхождения, – признак и доказательство того, что они прибыли из Тракки с возом сена. Один из них, сидевший лицом ко мне, держал во много раз сложенную утреннюю газету, и я безошибочно знал, что на этой узкой длинной полосе находится столбец с моей прелестной финансовой сатирой. По его взволнованному бормотанию я мог судить, что сей беспечный сын сенокосов скачет во

весь опор с пятого на десятое, спеша дорваться до кровавых подробностей, и, конечно, пропускает все сигналы, расставленные мною с целью предупредить его, что все это – сплошное вранье. Вдруг глаза его полезли на лоб как раз в тот миг, когда челюсти широко разъялись, чтобы захватить картошку, приближавшуюся на вилке; картошка колыхнулась и замерла, лицо едока жарко вспыхнуло, и весь он запылал от волнения. Затем он очертя голову кинулся судорожно заглатывать подробности, причем картошка стыла на полдороге, а он то тянулся к ней губами, то внезапно замирал в ужасе перед новым, еще более злодейским подвигом моего героя. Наконец он внушительно посмотрел в лицо своему остолбеневшему приятелю и сказал, потрясенный до глубины души:

– Джим, он сварил малыша и содрал скальп с жены. Ну его к черту, этот завтрак, мне теперь ничего в глотку не полезет! – он бережно опустил остывшую картошку на тарелку, и они оба вышли из ресторана с пустыми желудками, но вполне удовлетворенные.

Он так и не дошел до того места, где начиналась сатирическая часть. И никто никогда эту статью не дочитывал. Им было достаточно потрясающих подробностей преступления. Соваться с маленькой, тощей моралью под самый конец такого великолепного кровавого убийства было все равно что идти вслед заходящему солнцу со свечкой и надеяться привлечь к ней всеобщее внимание.

Мне и в голову не приходило, что кто-нибудь когда-нибудь примет мое кровавое злодеяние за истинное происшествие, – ведь я так тщательно прослоил свой рассказ явными выдумками и нелепостями вроде «огромного соснового бора», «мраморного особняка» и прочее. Но с тех пор я на всю жизнь запомнил, что мы никогда не читаем скучных объяснений к захватывающим дух, увлекательным историям, если у нас нет повода подозревать, что какой-то безответственный писака хочет нас обмануть; мы пропускаем все это и с наслаждением упиваемся подробностями, от которых кровь стынет в жилах.

Как я редактировал сельскохозяйственную газету

Не без опасения взялся я временно редактировать сельскохозяйственную газету. Совершенно так же, как простой смертный, не моряк, взялся бы командовать кораблем. Но я был в стесненных обстоятельствах, и жалованье мне очень пригодилось бы. Редактор уезжал в отпуск, я согласился на предложенные им условия и занял его место.

Чувство, что я опять работаю, доставляло мне такое наслаждение, что я всю неделю трудился не покладая рук. Мы сдали номер в печать, и я едва мог дождаться следующего дня – так мне не терпелось узнать, какое впечатление произведут мои труды на читателя. Когда я уходил из редакции под вечер, мальчишки и взрослые, стоявшие у крыльца, рассыпались кто куда, уступая мне дорогу, и я услышал, как один из них сказал: «Это он!» Вполне естественно, я был польщен. Наутро, идя в редакцию, я увидел у крыльца такую же кучку зрителей, а кроме того, люди парами и поодиночке стояли на мостовой и на противоположном тротуаре и с любопытством глядели на меня. Толпа отхлынула назад и расступилась передо мной, а один из зрителей сказал довольно громко: «Смотрите, какие у него глаза!» Я сделал вид, что не замечаю всеобщего внимания, но втайне был польщен и даже решил написать об этом своей тетушке.

Я поднялся на невысокое крыльцо и, подходя к двери, услышал веселые голоса и раскаты хохота. Открыв дверь, я мельком увидел двух молодых людей, судя по одежде – фермеров, которые при моем появлении побледнели и разинули рты. Оба они с грохотом выскочили в окно, разбив стекла. Меня это удивило.

Приблизительно через полчаса вошел какой-то почтенный старец с длинной развевающейся бородой и благообразным, но довольно суровым лицом. Я пригласил его садиться. Повидимому, он был чем-то расстроен. Сняв шляпу и поставив ее на пол, он извлек из кармана красный шелковый платок и последний номер нашей газеты.

Он разложил газету на коленях и, протирая очки платком, спросил:

– Это вы и есть новый редактор?

Я сказал, что да.

– Вы когда-нибудь редактировали сельскохозяйственную газету?

– Нет, – сказал я, – это мой первый опыт.

– Я так и думал. А сельским хозяйством вы когда-нибудь занимались?

– Н-нет, сколько помню, не занимался.

– Я это почему-то предчувствовал, – сказал почтенный старец, надевая очки и довольно строго взглядывая на меня поверх очков. Он сложил газету поудобнее.

– Я желал бы прочитать вам строки, которые внушили мне такое предчувствие. Вот эту самую передовицу. Послушайте и скажите, вы ли это написали? «Брюкву не следует рвать руками, от этого она портится. Лучше послать мальчика, чтобы он залез на дерево и осторожно потряс его». Ну-с, что вы об этом думаете? Ведь это вы написали, насколько мне известно?

– Что думаю? Я думаю, что это неплохо. Думаю, это не лишено смысла. Нет никакого сомнения, что в одном только нашем округе целые миллионы бушелей брюквы пропадают из-за того, что ее рвут незрелой, а если бы послали мальчика потрясти дерево...

– Потрясите вашу бабушку! Брюква не растет на дереве!

– Ах, вот как, не растет? Ну а кто же говорил, что растет? Это надо понимать в переносном смысле, исключительно в переносном. Всякий, кто хоть сколько-нибудь смыслит в деле, поймет, что я хотел сказать «потрясти куст».

Тут почтенный старец вскочил с места, разорвал газету на мелкие клочки, растоптал ногами, разбил палкой несколько предметов, крикнул, что я смыслю в сельском хозяйстве не больше коровы, и выбежал из редакции, сильно хлопнув дверью. Вообще он вел себя так, что

мне показалось, будто он чем-то недоволен. Но, не зная, в чем дело, я, разумеется, не мог ему помочь.

Вскоре после этого в редакцию ворвался длинный, похожий на мертвеца субъект с жидкими космами волос, висящими до плеч, с недельной щетиной на всех горах и долинах его физиономии, и замер на пороге, приложив палец к губам. Наклонившись всем телом вперед, он словно прислушивался к чему-то. Не слышно было ни звука. Но он все-таки прислушивался. Ни звука. Тогда он повернул ключ в замочной скважине, осторожно ступая, на цыпочках подошел ко мне, остановился несколько поодаль и долго всматривался мне в лицо с живейшим интересом, потом извлек из кармана сложенный вчетверо номер моей газеты и сказал:

– Вот, вы это написали. Прочтите мне вслух, скорее! Облегчите мои страдания. Я изнемогаю.

Я прочел нижеследующие строки, и по мере того как слова срывались с моих губ, страдальцу становилось все легче. Я видел, как скорбные морщины на его лице постепенно разглаживались, тревожное выражение исчезало, и наконец его черты озарились миром и спокойствием, как озаряется кротким сиянием луны унылый пейзаж. «Гуано – ценная птица, но ее разведение требует больших хлопот. Ее следует ввозить не раньше июня и не позже сентября. Зимой ее нужно держать в тепле, чтобы она могла высидеть птенцов». «По-видимому, в этом году следует ожидать позднего урожая зерновых. Поэтому фермерам лучше приступить к высаживанию кукурузных початков и посеву гречневых блинов в июле, а не в августе». «О тыква. Эта ягода является любимым лакомством жителей Новой Англии; они предпочитают ее крыжовнику для начинки пирогов и используют вместо малины для откорма скота, так как она более питательна, не уступая в то же время малине по вкусу. Тыква – единственная съедобная разновидность семейства апельсиновых, произрастающая на севере, если не считать гороха и двух-трех сортов дыни. Однако обычай сажать тыкву перед домом в качестве декоративного растения выходит из моды, так как теперь всеми признано, что она дает мало тени». «В настоящее время, когда близится жаркая пора и гусаки начинают метать икру...»

Взволнованный слушатель подскочил ко мне, пожал мне руку и сказал:

– Будет, будет, этого довольно. Теперь я знаю, что я в своем уме: вы прочли так же, как прочел и я сам, слово в слово. А сегодня утром, сударь, впервые увидев вашу газету, я сказал себе: «Я никогда не верил этому прежде, хотя друзья и не выпускали меня из-под надзора, но теперь знаю: я не в своем уме». После этого я испустил дикий вопль, так что слышно было за две мили, и побежал убить кого-нибудь: все равно, раз я сумасшедший, до этого дошло бы рано или поздно, так уж лучше не откладывать. Я перечел один абзац из вашей статьи, чтобы убедиться наверняка, что я не в своем уме, потом поджег свой дом и убежал. По дороге я изувечил нескольких человек, а одного загнал на дерево, чтоб он был под рукой, когда понадобится. Но, проходя мимо вашей редакции, я решил все-таки зайти и проверить себя еще раз; теперь я проверил, и это просто счастье для того бедняги, который сидит на дереве. Я бы его непременно убил, возвращаясь домой. Прощайте, сударь, всего хорошего, вы сняли тяжелое бремя с моей души. Если мой рассудок выдержал ваши сельскохозяйственные статьи, то ему уже ничто повредить не может. Прощайте, всего наилучшего.

Меня несколько встревожили увечья и поджоги, которыми развлекался этот субъект, тем более что я чувствовал себя до известной степени причастным к делу. Но я недолго об этом раздумывал – в комнату вошел редактор! (Я подумал про себя: «Вот если б ты уехал в Египет, как я тебе советовал, у меня еще была бы возможность показать, на что я способен. Но ты не пожелал и вернулся. Ничего другого от тебя я и не ожидал».)

Вид у редактора был грустный, унылый и расстроенный.

Он долго обозревал разгром, произведенный старым скандалистом и молодыми фермерами, потом сказал:

– Печально, очень печально. Разбиты бутылка с клеем, шесть оконных стекол, плевательница и два подсвечника. Но это еще не самое худшее. Погибла репутация газеты, и боюсь, что навсегда. Правда, на нашу газету никогда еще не было такого спроса, она никогда не расходилась в таком количестве экземпляров и никогда не пользовалась таким успехом, но кому же охота прослыть свихнувшимся и наживаться на собственном слабоумии? Друг мой, даю вам слово честного человека, что улица полна народа, люди сидят даже на заборах, дожидаясь случая хотя бы одним глазком взглянуть на вас; а все потому, что считают вас сумасшедшим. И они имеют на это право – после того как прочитали ваши статьи. Эти статьи – позор для журналистики. И с чего вам взбрело в голову, будто вы можете редактировать сельскохозяйственную газету? Вы, как видно, не знаете даже азбуки сельского хозяйства. Вы не отличаете бороны от борозды; коровы у вас теряют оперение; вы рекомендуете приручать хорьков, так как эти животные отличаются веселым нравом и превосходно ловят крыс! Вы пишете, что устрицы ведут себя спокойно, пока играет музыка. Но это замечание излишне, совершенно излишне. Устрицы всегда спокойны. Их ничто не может вывести из равновесия. Устрицы ровно ничего не смыслят в музыке. О, гром и молния! Если бы вы поставили целью всей вашей жизни совершенствоваться в невежестве, вы бы не могли отличиться больше, чем сегодня. Я никогда ничего подобного не видывал. Одно ваше сообщение, что конский каштан быстро завоевывает рынок как предмет сбыта, способно навеки погубить газету. Я требую, чтобы вы немедленно ушли из редакции. Мне больше не нужен отпуск – я все равно ни под каким видом не мог бы им пользоваться, пока вы сидите на моем месте. Я все время дрожал бы от страха при мысли о том, что именно вы посоветуете читателю в следующем номере газеты. У меня темнеет в глазах, как только вспомню, что вы писали об устричных садках под заголовком «Декоративное садоводство». Я требую, чтобы вы ушли немедленно! Мой отпуск кончен. Почему вы не сказали мне сразу, что ровно ничего не смыслите в сельском хозяйстве?

– Почему не сказал вам, гороховый стручок, капустная кочерыжка, тыквин сын? Первый раз слышу такую глупость. Вот что я вам скажу: я четырнадцать лет работаю редактором и первый раз слышу, что человек должен что-то знать для того, чтобы редактировать газету. Брюква вы этакая! Кто пишет театральные рецензии в захудалых газетках? Бывшие сапожники и недоучившиеся аптекари, которые смыслят в актерской игре ровно столько же, сколько я в сельском хозяйстве. Кто пишет отзывы о книгах? Люди, которые сами не написали ни одной книги. Кто стряпает тяжеловесные передовицы по финансовым вопросам? Люди, у которых никогда не было гроша в кармане. Кто пишет о битвах с индейцами? Господа, не отличающие вигвама от вампума, которым никогда в жизни не приходилось бежать опрометью, спасаясь от томагавка, или выдергивать стрелы из тел своих родичей, чтобы развести на привале костер. Кто пишет проникновенные воззвания насчет трезвости и громче всех вопит о вреде пьянства? Люди, которые протрезвятся только в гробу. Кто редактирует сельскохозяйственную газету? Разве такие корнеплоды, как вы? Нет, чаще всего неудачники, которым не повезло по части поэзии, бульварных романов в желтых обложках, сенсационных мелодрам, хроники и которые остановились на сельском хозяйстве, усмотрев в нем временное пристанище на пути к дому признания.

Вы мне что-то толкуете о газетном деле? Мне оно известно от Альфы до Омахи, и я вам говорю, что чем меньше человек знает, тем больше он шумит и тем больше получает жалованья. Видит бог, будь я круглым невеждой и наглецом, а не скромным образованным человеком, я бы завоевал себе известность в этом холодном, бесчувственном мире.

Я ухожу, сэр. Вы так со мной обращаетесь, что я даже рад уйти. Но я выполнил свой долг. Насколько мог, я исполнял все, что полагалось по нашему договору. Я сказал, что сделаю вашу газету интересной для всех слоев общества, – и сделал. Я сказал, что увеличу тираж до двадцати тысяч экземпляров, – и увеличил бы, будь в моем распоряжении еще две недели. И я дал бы вам самый избранный круг читателей, какой был когда-либо у сельскохозяйственной

газеты, – ни одного фермера, ни одного человека, который мог бы отличить дынный куст от персиковой лозы даже ради спасения собственной жизни. Вы теряете от нашего разрыва, а не я. Прощайте, арбузное дерево! И я ушел.

Два-три невеселых жизненных наблюдения

Когда я недавно напечатал шутивное извещение, что намерен редактировать сельскохозяйственный отдел в этом журнале, я, право же, не хотел никого обманывать. У меня не было ни малейшего желания зло подшутить над чьей бы то ни было доверчивостью, ибо поистине жалок тот, кто унижается до безмозглых выдумок, обозначаемых словом «розыгрыш». Насколько это было возможно, я писал в необычном и нарочито нелепом тоне: мне хотелось быть уверенным, что ни один читатель, даже самый торопливый и невнимательный, не будет введен в заблуждение.

Так, я говорил о спуске триумфальной барки на гладь пустыни, о насаждении древа процветания в копиях, — древа, чье благоухание утолит жажду нагого и чьи ветви раскинутся широко и омоют берега... и т. д. и т. п. Я думал, что явное безумие подобных вещаний надежно охранит читателя. Но чтобы сделать уверенность стопроцентной и показать, что я не собираюсь и не могу всерьез собираться вести сельскохозяйственный отдел, я прямо указал в постскрипуме, что ничего не смыслу в сельском хозяйстве.

Увы! в этом-то и заключалась моя величайшая ошибка: последнее замечание, видимо, оказалось наилучшей рекомендацией моим предполагаемым познаниям в сельском хозяйстве. Оно проливало некоторый свет на мою особу, а у меня есть подозрение, что фермерам временами становится тошно от пророчески-непогрешимого глубокомыслия сельскохозяйственных журналов и их редакторов, «сведущих во всем без изъятия». И в самом деле, один из моих корреспондентов прозрачно на это намекает. (Да, ведь эта злосчастная шутка обрушила на меня целый потоп писем о картофеле, капусте, вермишели, макаронах и всех прочих фруктах, злаках, крупах и овощах, какие только рождает земля; и если мне посчастливится, не впадши в буйное помешательство, ответить на вопросы, как лучше всего выращивать эти продукты, я буду благодарен судьбе и никогда больше не стану писать темно и загадочно потехи ради.)

Рассказать вам, как получилось, что я ненароком одурачил столько народу? Кое-кто, едва проглядев мою шутивную заметку, поторопился сделать вывод, что каждое слово в ней сказано всерьез, а все остальные вовсе ее не читали и получили сведения о моих рискованных сельскохозяйственных планах из вторых рук. Тут я, разумеется, вправе сложить с себя всякую ответственность. Написать пародию, настолько дикую, чтобы ни один человек не принял за чистую монету «факты», в ней изложенные, — почти невозможно.

Дело в том, что иной раз она попадает в руки читателю, который никогда и никого не пытался обмануть и потому никак не ожидает, чтобы кто-нибудь без всякой причины вздумал обмануть его; в этом случае единственный, на кого ложится клеймо бесчестия, — это автор пародии. В других случаях «соль», смысл пародии (если цель ее — оказать поддержку истине) ускользает от внимания, теряясь в поверхностном блеске каких-нибудь деталей самой пародии. А очень часто этот смысл, или «поучение», спрятан глубоко на дне, и читатель, не подозревая, что это и есть ключ ко всей вещи в целом и единственно важный абзац в статье, преспокойно перескакивает через него и оставляет его непрочитанным. Можно наделить сатиру выразительной силой, прибегнув к коварным приемам фарса, но только — осторожно, не увлекаясь чуждыми сатире интересами фарса, а иначе сатира скажется погребенной под ними и исчезнет из глаз читателя — осмеянной и обманутой жертвы, — несмотря на самое честное намерение автора обогатить либо знания своего читателя, либо его жизненный опыт. Я не раз имел дело с пародиями и хорошо знаком с их злосчастной способностью вводить публику в заблуждение; вот почему я и старался изо всех сил сделать ту, сельскохозяйственную, такой прозрачной и такой осязаемой, чтобы даже картофелина с одним глазком могла ее разглядеть. И все равно — клянусь вам! — она одурачила редактора одного из самых компетентных сельскохозяйственных изданий Америки!

Журналистика в Теннесси

«Редактор мемфисской „Лавины“ деликатно намекнул корреспонденту, который посмел назвать его радикалом: „Выводя первое слово, ставя запятую и закругляя период, он уже отлично знал, что стряпает фразу, насквозь пропитанную подлостью и пахнущую ложью“».

«Биржа»

Доктор сказал мне, что южный климат благотворно подействует на мое здоровье, поэтому я поехал в Теннесси и поступил помощником редактора в газету «Утренняя Заря и Боевой Клич округа Джонсон». Когда я пришел в редакцию, ответственный редактор сидел, раскачиваясь на трехногом стуле и задрав ноги на сосновый стол. В комнате стоял еще один сосновый стол и еще один колченогий стул, заваленные ворохом газет, бумаг и рукописей. Был, кроме того, деревянный ящик с песком, усеянный сигарными и папиросными окурками, и чугунная печка с дверцей, едва державшейся на одной верхней петле. Редактор был одет в длиннополый сюртук черного сукна и белые полотняные штаны. Сапоги на нем были модные, начищенные до блеска. Он носил манишку, большой перстень с печаткой, высокий старомодный воротничок и клетчатый шелковый шейный платок с концами навывпуск. Его костюм относился приблизительно к 1848 году. Он курил сигару и в поисках нужного слова часто запускал руку в волосы, так что порядком взлохматил свою шевелюру. Он грозно хмурился, и я решил, что он, должно быть, стряпает особенно забористую передовицу. Он велел мне взять обменные экземпляры газет, просмотреть их и, выбрав оттуда все достойное внимания, написать обзор «Дух теннессийской печати».

Вот что получилось у меня: «Редакцию „Еженедельного Землетрясения“, по-видимому, ввели в заблуждение относительно Баллигакской железнодорожной компании. Компания отнюдь не ставит себе целью обойти Баззардвилл стороной. Наоборот, она считает его одним из самых важных пунктов на линии и, следовательно, не намерена оставлять этот город в стороне. Мы не сомневаемся, что джентльмены из „Землетрясения“ охотно исправят свою ошибку».

Джон У. Блоссом, эсквайр, талантливый редактор хиггинсвиллской газеты „Гром и Молния, или Боевой Клич Свободы“, прибыл вчера в наш город. Он остановился у Ван-Бюрена.

Мы имели случай заметить, что наш коллега из „Утреннего Воя“ ошибся, предполагая, что Ван-Вертер не был избран, но он, без сомнения, обнаружит свой промах гораздо раньше, чем наше напоминание попадет ему на глаза. Вероятно, его ввели в заблуждение неполные отчеты о выборах.

Мы с удовольствием отмечаем, что город Блэзерсвилл, по-видимому, намерен заключить контракт с джентльменами из Нью-Йорка и вымостить почти непроходимые улицы своего города никольсоновской мостовой. „Ежедневное Ура“ очень энергично поддерживает это начинание и, по-видимому, верит, что оно увенчается успехом».

Я передал мою рукопись редактору для одобрения, переделки или уничтожения. Он взглянул на нее и нахмурился. Бегло просмотрев ее, он стал мрачен, как туча. Нетрудно было заметить, что здесь что-то неладно. Он вскочил с места и сказал:

– Гром и молния! Неужели вы думаете, что я так разговариваю с этими скотами? Неужели вы думаете, что моих подписчиков не стошнит от такой размазни? Дайте мне перо!

Я еще не видывал, чтобы перо с такой яростью царапало и рвало бумагу и чтобы оно так безжалостно бороздило чужие глаголы и прилагательные. Он не добрался еще и до середины рукописи, как кто-то выстрелил в него через открытое окно и слегка испортил фасон моего уха.

– Ага, – сказал он, – это мерзавец Смит из «Морального Вулкана», я его ждал вчера.

И, выхватив из-за пояса револьвер флотского образца, он выстрелил. Смит упал, сраженный пулей в бедро. Это помешало ему прицелиться как следует. Стреляя во второй раз, он искалечил постороннего. Посторонним был я. Впрочем, он отстрелил мне всего только один палец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.